

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

СЕРЕБРЯНАЯ
ФАНТАСТИКА
СЕРЕБРЯ
ФАНТ
СЕРЕБ
ФА
СЕР
Ф
С

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА

Хроники Амбера

Роджер Желязны
Девять принцев Амбера

«ЭКСМО»

1970

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Желязны Р.

Девять принцев Амбера / Р. Желязны — «Эксмо»,
1970 — (Хроники Амбера)

ISBN 978-5-699-64720-0

Девять братьев, девять принцев Амбера, девять претендентов на престол Вечного Города... И только один шанс вернуть память, выбраться из коварной ловушки Отражений и завоевать трон Янтарного королевства... Захватывающая история о принце Корвине, положившая начало легендарной саге «Хроники Амбера»! Роджер Желязны – крупнейший американский писатель-фантаст, не нуждающийся в представлении. Автор более 50 великолепных книг, многие из которых награждены престижными премиями!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-64720-0

© Желязны Р., 1970

© Эксмо, 1970

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Роджер Желязны

Девять принцев Амбера

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Похоже, наступал конец тому, что казалось мне вечностью.

Я попробовал пошевелить пальцами ног. Успешно. Ноги я чувствовал, хотя они и были в гипсе. А сам я лежал распростертым на больничной койке.

Я зажмурился, потом снова открыл глаза.

Стены комнаты наконец перестали качаться.

Где же я, черт побери?

Туман в голове понемногу рассеивался; в нем, словно острова в океане, стали возникать обрывки того, что некогда было моей памятью. Я вспоминал бесконечно долгие ночи, бесчисленных сиделок, инъекции, инъекции, инъекции... стоило мне чуточку прийти в себя, как тут же кто-нибудь являлся и всаживал в меня шприц с какой-нибудь дрянью. Да, так оно и было. Это я вспомнил. И пусть я только наполовину пришел в себя, инъекции им придется прекратить.

Но захотят ли они их прекратить?

Почему-то упорно думалось: вряд ли.

Эта мысль пробудила в моей душе естественные сомнения относительно чистоты любых, даже самых лучших человеческих побуждений. Меня длительное время пичкали наркотиками, осознал я вдруг. Причем без особых на то причин, судя по тому, как я себя чувствую. Так что, если им за это платят, с какой стати они вдруг прекратят инъекции? Нет, действовать надо очень осторожно, сказал мне мой внутренний голос. Надо продолжать притворяться, что дурман еще действует. Внутренний голос принадлежал худшей, хотя и более мудрой, половине моей души.

Я последовал его совету.

Минут через десять дверь приоткрылась, на пороге возникла медсестра. А я лежал себе и похрапывал. Сестра тут же удалилась.

Теперь мне уже удалось кое-что восстановить в памяти.

Я смутно припоминал, как попал в какую-то аварию или автомобильную катастрофу; потом – сплошное черное пятно. О том, что было до аварии, я тоже не имел ни малейшего представления. Но помнил, что сначала угодил в больницу, а уже потом сюда. Зачем? Неизвестно.

Ноги мои совсем отошли и явно годились для того, чтобы на них стоять, хотя я понятия не имел, когда они были сломаны. А то, что они были сломаны, я знал точно.

Я попытался сесть. Это оказалось непросто: тело было, как кисель. За окном стояла темная ночь – яркие звезды, бесстыдно красуясь в небе, смотрели на меня. Я подмигнул им и спустил ноги на пол.

Перед глазами все поплыло, однако вскоре в голове прояснилось, я встал, держась за спинку кровати, и сделал первый шаг.

Нормально. Ноги держат. Итак, теоретически я уже в состоянии отсюда выйти.

Я снова залез в постель, вытянулся на спине и стал думать. От совершенных усилий и слабости меня знобило, я весь взмок, во рту стоял противный сладковатый вкус, поташнивало, мерещились засахаренные сливы и тому подобное.

Подгнило что-то в Датском Королевстве...

Да, это точно была автомобильная катастрофа. Черт знает что...

Приоткрылась дверь, сквозь щель в палату ворвался поток света. Я чуть опустил веки и увидел, что это снова сестра со шприцем в руке. Этакая могучая матрона с широченными плечищами.

Когда она подошла совсем близко, я неожиданно приподнялся и сел на постели.

– Добрый вечер! – сказал я.
– Ох! Добрый вечер, – ответила она.
– Когда меня выписывают? – спросил я.
– Об этом надо узнать у доктора.
– Ну так узнайте.
– Пожалуйста, поднимите рукав.
– Да нет, спасибо, больше не надо.
– Но мне необходимо сделать вам укол.
– Нет, никакой необходимости в этом нет.
– Так доктор велел!
– Вот пусть доктор придет и сам мне об этом скажет. А пока что я категорически против.
– Но мне же приказано...
– Эйхман тоже так говорил, а чем кончил? – Я укоризненно покачал головой.
– Хорошо, – вздохнула медсестра. – Мне придется доложить...
– Пожалуйста, докладывайте, – сказал я. – Заодно сообщите доктору, что я утром намерен выписаться.

– Нет, это невозможно! Вы ведь даже ходить еще не в состоянии! И у вас серьезные повреждения внутренних органов...

– Ладно, посмотрим, – кивнул я. – Спокойной ночи.

Она вылетела в коридор, ничего не ответив.

А я снова лег и стал думать. По-видимому, я нахожусь в какой-то частной лечебнице. Значит, кто-то платит за мое пребывание здесь. Интересно, кто? Никаких родственников я вспомнить не мог. Друзей тоже. Кто же тогда платит? Враги?

Я еще немного подумал.

Ничего не придумывалось. Ни малейшей идеи насчет предполагаемого благодетеля.

Вдруг я вспомнил: моя машина летит под откос на горной дороге и падает в озеро...

Дальше – полный мрак.

Я был...

От напряжения я снова весь покрылся испариной.

Я не знал, кем я был раньше.

Чтобы отвлечься, я сел и быстренько разбинтовал себя. Под бинтами все давно зажило; похоже, их давно пора было снять. Потом я разбил гипс на правой ноге металлическим прутом, вынутым из спинки кровати. Мною овладело странное чувство: казалось, что нужно как можно скорее отсюда смыться, чтобы успеть сделать нечто важное.

Я попробовал встать на правую ногу. Нормально.

Потом я разбил гипс и на левой ноге, встал и потихоньку пошел к шкафу.

Пусто. Одежды там не было.

В коридоре слышались шаги. Я снова лег, прикрыв простыней снятые бинты и куски гипса.

Дверь опять приоткрылась.

В палате вспыхнул яркий свет; на пороге высился здоровенный детина в белом халате, смахивавший на быка. Это он зажег свет: пальцы его до сих пор лежали на выключателе.

– Что вы тут удумали? Сестра на вас жалуется, – сказал он.

Притворяться спящим больше не имело смысла.

– Неужели? – спросил я. – И что же она говорит?

Детина некоторое время, наморщив лоб, обдумывал мой вопрос, потом строго произнес:

– Вам пора делать укол.

– Вы что, доктор?

– Нет, но мне поручено сделать вам укол.

– А я не желаю, чтобы мне делали укол, – заявил я. – И имею на это полное право. Что вы на это скажете?

– Что я все равно укол вам влеплю, – ответил здоровяк и двинулся к кровати. В руке он держал шприц, которого я раньше не заметил.

Это был исключительно подлый удар, дюйма на четыре ниже пояса. Дитина рухнул на колени.

– Ах ты!.. – выдавил он некоторое время спустя.

– Попробуй еще раз, – сказал я, – увидишь, что тогда с тобой будет.

– Ничего, мы с такими пациентами справляться приучены! – выдохнул он.

И я понял, что настало время действовать.

– Где моя одежда? – спросил я.

– Ах ты! – повторил он.

– Тогда, пожалуй, придется позаимствовать твою. Раздевайся!

После третьего раза мне надоело. Я накинул простыню ему на голову и как следует врезал тем самым железным прутом, которым разбивал гипс.

Через несколько минут я был уже весь в белом. Этаким Моби Дик. Или ванильное мороженое гигантских размеров. Довольно-таки жуткое зрелище.

Я засунул этого типа в стенной шкаф и выглянул в окно. В небе сияла полная луна, освещающая ряд высоких тополей. Трава в лунном свете казалась серебристой, сверкающей. Ночь близилась к концу. Ничто не подсказывало мне, где я могу находиться. Похоже, это был четвертый этаж. Из окна я заметил внизу, слева от меня, на втором этаже свет: тоже кто-то не спал.

Я вышел в коридор и осмотрелся. Слева коридор упирался в стену с зарешеченным окном. Там были еще четыре палаты, по две с каждой стороны коридора. Я дошел до окна и выглянул наружу. Ничего нового: такие же деревья, такая же трава, та же лунная ночь. Я повернулся и пошел в обратную сторону.

Двери, двери, двери, и ни лучика света изнутри. И тишина. Лишь шарканье моих собственных шагов: позаимствованные ботинки были великоваты.

Часы, тоже позаимствованные, показывали пять пятьдесят четыре. Железный прут я заткнул за пояс под белым халатом; при ходьбе прут втыкался мне в бедренную кость. Через каждые пять-шесть метров под потолком горела тусклая лампочка – ватт на сорок, не больше.

Так я добрался до лестницы, покрытой ковром, и стал тихо спускаться.

Третий этаж выглядел в точности, как мой четвертый, так что я пошел дальше вниз. На втором этаже свернул по коридору направо, пытаясь найти ту комнату, где горел свет.

И я ее нашел – по тонкой полоске света под дверью – почти в самом конце коридора. Стучать я не стал.

В комнате за огромным полированным столом сидел какой-то тип в роскошном купальном халате и что-то писал в настольном блокноте. Это явно была не больничная палата. Тип так и впился в меня глазами: на лице его появилось такое выражение, будто он вот-вот закричит, глаза его дико расширились... Но он не закричал – видимо, я выглядел достаточно решительно, – только быстро поднялся.

Я закрыл за собой дверь, подошел поближе и произнес:

– Доброе утро. Вам грозят большие неприятности.

Людьми всегда хочется узнать, что за неприятности им грозят. Так что уже через секунду я услышал:

– Что вы имеете в виду?

– А вот что: я подам на вас в суд. За то, что вы держите меня здесь против моей воли, а также за злоупотребление служебным положением и нарушение клятвы Гиппократов: вы насильно пичкали меня наркотиками. У меня, можно сказать, уже началась ломка, так что я вполне могу совершить, например, насилие.

– Убирайтесь вон, – сказал этот тип – вероятно, врач.
Я заметил на его столе пачку сигарет, вытянул одну.
– Сядь и заткнись. Нам есть что обсудить.
Он сел, но так и не заткнулся.
– Вы нарушаете правила...
– Суд определит, кто из нас что нарушает, – ответил я. – Пусть принесут мою одежду и личные вещи. Я выписываюсь.
– Но ваше состояние...
– Не твое дело. Или вещи, или судебный иск.
Он было потянулся к кнопке на столе, но я отшвырнул его руку.
– Ну нет, – сказал я. – Раньше надо было нажимать, когда я только вошел. Теперь поздно.
– С вами трудно договориться, мистер Кори...
Кори?
– Я к вам сюда не напрашивался. И имею полное право выписаться, когда мне угодно. А угодно мне именно сейчас. Так что давай.
– Но вы еще не поправились, чтобы выписываться, – ответил он. – Ваше состояние... Нельзя позволить... Я сейчас кого-нибудь позову, вас проводят в палату, уложат в постель...
– И не пытайся. А то мне придется продемонстрировать мое теперешнее состояние. И вот еще что... Кто меня сюда поместил и кто оплачивает мое пребывание здесь?
– Ну хорошо, – вздохнул врач, огорченно опустив тонкие усики, и сунул руку в ящик стола.
Но я был наготове.
Я выбил пистолет у него прежде, чем он успел спустить предохранитель. Так, автоматический, тридцать второго калибра. Аккуратненький такой «кольт».
Я спустил предохранитель и прицелился.
– Придется все же ответить на мои вопросы. По-видимому, ты считаешь меня опасным. И возможно, ты прав.
Врач бледно улыбнулся и закурил. Зря – он так старался сохранить достоинство, но руки-то у него дрожали.
– Хорошо, Кори. Если вы так настаиваете... Привезла вас сюда ваша сестра.
«Сестра?» – подумал я.
– Какая сестра?
– Эвелин.
Это имя мне ничего не говорило.
– Странно. Я уже несколько лет ее не видел, – сказал я. – Она и не знала, что меня занесло в эти края.
Он пожал плечами:
– И тем не менее...
– Где же она теперь живет? Я хочу к ней заехать, – сказал я.
– У меня где-то есть ее адрес.
– Давай сюда.
Он поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл его, порывшись там и достал карточку.
Я впился в нее глазами. Миссис Эвелин Фломель... Нью-йоркский адрес тоже ничего мне не говорил, но я постарался его запомнить. Судя по карточке, меня звали Карл. Отлично. Дополнительная информация.
Я заткнул пистолет, не забыв, конечно, поставить его на предохранитель, за пояс рядом с металлическим прутком.
– Ну ладно, – сказал я. – Где моя одежда и деньги – сколько ты там намерен мне выплатить?

– От вашей одежды после катастрофы остались одни лохмотья, – ответил врач. – Вынужден вам напомнить, что у вас были сломаны обе ноги, причем левая – в двух местах. Откровенно говоря, я просто не понимаю, как вы стоите. Прошло всего две недели...

– На мне все заживает, как на собаке, – успокоил его я. – Так как насчет денег?..

– Каких денег?

– Насчет отступного, чтобы я не подавал в суд на ваше заведение. За всякие злоупотребления и прочее.

– Не валяйте дурака!

– Кто здесь валяет дурака? Я готов удовлетвориться тысячей, но наличными и немедленно.

– Даже говорить на эту тему не желаю!

– Я бы на твоём месте сперва подумал. Суд, конечно, может принять решение и в твою пользу, но как насчет прессы? Уж я постараюсь, чтобы в газетах появились кое-какие материалы еще до суда. И с телевизионщиками свяжусь. В грязи ведь вываляют...

– Это шантаж! – заорал он. – Да я вообще не имею к этому никакого отношения!

– Сейчас ты заплатишь или потом, после суда, – сказал я, – мне, в общем-то, безразлично.

Но сейчас дешевле обойдется!

Если он согласится, значит, я прав и здесь что-то нечисто.

Врач долго буравил меня взглядом.

– У меня нет при себе тысячи, – заявил он наконец.

– Что ж, тогда поторгуетесь?

– Это вымогательство! – возмутился он.

– Ничего подобного: ведь ты отдаешь деньги добровольно, милый. Итак?

– В сейфе, наверное, сотен пять найдется.

– Ладно. Доставай.

Покопавшись в сейфе, он заявил, что нашел всего четыреста тридцать долларов. Мне не хотелось проверять: могли остаться отпечатки пальцев. Так что я взял эти четыреста тридцать и сунул в карман.

– Так, теперь о транспорте. Как отсюда вызвать такси?

Он дал мне название компании и телефон. Я проверил по телефонной книге: мы находились где-то на севере штата Нью-Йорк.

Я заставил его вызвать для меня такси, потому что так и не понял, где я, и не хотел, чтобы он догадался, что голова у меня не в порядке. Между прочим, один из бинтов я снял как раз с головы...

Когда врач разговаривал по телефону, я услышал, как он назвал свое заведение: частная клиника «Гринвуд».

Я погасил окуроч, закурил новую сигарету и с облегчением плюхнулся в мягкое кресло возле книжного шкафа, освободив свои бедные ноги как минимум от шестидесяти килограммов живого веса.

– Подождем здесь, а когда придет такси, ты меня проводишь, – сказал я.

Он не ответил и больше не произнес ни единого слова.

Глава 2

Было уже около восьми утра, когда мы добрались до ближайшего городка. Я расплатился с водителем и побродил минут двадцать по улицам. Потом зашел в кафе и заказал сок, яичницу, ветчину, тосты и целые три чашки кофе. Ветчина была слишком жирной.

Завтракал я не торопясь, с удовольствием, наверное, не меньше часа. Потом снова отправился бродить по городку. Нашел магазин готового платья, дождался его открытия и купил брюки, ремень, три спортивные рубашки, белье и подходящие ботинки. Выбрал еще носовой платок, бумажник и расческу.

Потом отправился разыскивать автобусную станцию, где сел на автобус компании «Грей-хаунд», идущий в Нью-Йорк. Никто не пытался меня задержать. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Сидя в автобусе и лениво поглядывая в окно на проплывавшие мимо осенние пейзажи, на ясное холодное небо, я снова и снова мысленно перебирал все, что было мне известно о себе самом и о происшедших со мной событиях.

Итак, моя сестра Эвелин Фломель поместила меня в лечебницу «Гринвуд» под именем Карла Кори. Это было следствием автомобильной катастрофы, случившейся дней пятнадцать назад, во время которой я переломал себе все кости. Кстати, ноги меня совершенно не беспокоили.

Никакой сестры Эвелин я не помнил. Персоналу «Гринвуда», видимо, было велено держать меня в «отключке», и теперь они опасались попасть под суд, которым я пригрозил, когда освободился. Хорошо. Значит, кто-то меня по каким-то причинам боится. Что ж, буду иметь это в виду.

Я упорно пытался вспомнить хоть что-нибудь об этой автокатастрофе, просто голова распухла. Случайностью авария явно не была. Почему-то я в этом совершенно не сомневался, хотя и не мог понять, почему. Но я все выясню. Тогда кому-то придется заплатить! И очень дорого!

Ярость, черная ярость закипела в моей груди. Кто бы ни был тот, что так старался навредить мне или использовать меня в своих целях, вскоре он получит по заслугам!.. Я ощутил страстное желание немедленно уничтожить того, кто заманил меня в ловушку. И еще я знал: не впервые мне приходится испытывать это чувство, эту яростную жажду мести, и не раз уже в своей жизни я следовал этому желанию... Не раз.

За окном, медленно кружась, опадали осенние листья.

Первое, что я сделал, добравшись наконец до Нью-Йорка, это постригся и побрился в ближайшей парикмахерской. Затем зашел в туалет и полностью переделся во все новое. Пистолет, прихваченный в клинике «Гринвуд», я сунул в правый карман пиджака. Если бы тот тип или моя неведомая сестрица Эвелин хотели засадить меня в тюрьму, то сейчас повод был бы идеальный: незаконное ношение оружия. Поправка Салливана¹. Но я все же решил оставить пистолет при себе. Меня ведь сначала надо еще найти. К тому же необходимо узнать, зачем я им.

Потом я наскоро пообедал и целый час добирался на метро и автобусе через весь город до дома Эвелин, моей так называемой сестры и возможного источника информации.

По дороге я обдумывал, какой тактики мне следует придерживаться.

Так что когда я постучал и массивная дверь огромного старого дома наконец открылась, я уже знал, что именно скажу. Я продумал каждое слово, направляясь к дому по подъездной

¹ Дополнение к Конституции США, запрещающее незаконное ношение и использование оружия. (Здесь и далее примеч. редакции.)

аллее, посыпанной гравием. Дул холодный ветер, мрачные дубы и клены роняли листья, шуршавшие под ногами. Ветер леденил мой свежесбранный затылок, и даже поднятый воротник пиджака не спасал от холода. Аромат парикмахерского лосьона смешивался с затхлым запахом плесени и гниющей листвы, исходившим от увитых плющом старых кирпичных стен дома. Раньше я явно здесь никогда не бывал, все мне было абсолютно незнакомо.

Я постучал в дверь, и из глубины дома ответило гулкое эхо. Я сунул руки в карманы и стал ждать.

Дверь открылась, и я улыбнулся возникшей на пороге горничной. Она была смуглая, вся в родинках и говорила с пуэрториканским акцентом.

– Что вам угодно?

– Я бы хотел видеть миссис Эвелин Фломель.

– Как мне о вас доложить?

– Скажите, что это ее брат Карл.

– Пожалуйста, войдите, – пригласила горничная.

Я вошел в холл. Пол был выложен маленькими керамическими плитками кремового и бирюзового цвета, стены отделаны красным деревом, слева – огромное кашпо, откуда свисали пышные побеги какого-то растения с огромными зелеными листьями. Под потолком – куб из стекла и эмали, из которого вниз лился желтый водопад света.

Горничная удалилась, а я оглядывался по сторонам в поисках хоть чего-нибудь знакомого.

Ничего знакомого я не обнаружил.

Что ж, подождем.

Вскоре горничная вернулась, улыбаясь мне и кивая головой:

– Пожалуйста, прошу вас. Вас ждут в библиотеке.

Я пошел за нею, миновал три лестничных марша, коридор и две закрытые двери. Наконец третья дверь по левую руку от меня оказалась открытой. Горничная указала мне на эту дверь, я вошел и остановился на пороге.

Это была библиотека, и она, разумеется, была полна книг. Еще там висели три картины: два в высшей степени мирных пейзажа и один, тоже в высшей степени мирный, морской сюжет. На полу – тяжелый зеленый ковер. Рядом с огромным письменным столом стоял гигантский глобус, с которого на меня смотрела Африка. За глобусом – окно во всю стену, восемь прозрачных стеклянных панелей. Но все эти предметы не произвели на меня особого впечатления, и остановился я вовсе не поэтому.

У стола сидела женщина в сине-зеленом платье цвета морской волны, с узким глубоким вырезом и широким воротником. Ее длинные волосы и пышная челка были цвета облаков на закате или, может быть, напоминали тот ореол, что окружает пламя свечи в темной комнате; я почему-то знал, что это их естественный цвет. Ее глаза за стеклами очков, которые ей, по моему, совершенно не требовались, были той пронзительной голубизны, какой обладают воды озера Эри безоблачным летним днем. На губах играла сдержанная улыбка. Но не красота этой женщины заставила меня застыть на пороге.

Я знал ее! Откуда-то я ее, безусловно, знал, вот только не мог вспомнить откуда.

Я подошел ближе, улыбаясь в ответ на ее улыбку.

– Привет, – сказал я.

– Садись, – сказала она. – Пожалуйста.

И указала мне на огромное оранжевое кресло с высокой спинкой.

Я сел. Она внимательно смотрела на меня.

– Рада тебя видеть здоровым. Хорошо, что приехал.

– Я тоже рад. Как ты поживаешь?

– Спасибо, все в порядке. Признаться, не ожидала увидеть тебя здесь.

– Ясное дело, – соврал я. – Но вот видишь, я здесь и хочу поблагодарить тебя, сестра, за доброту и заботу. – Мне хотелось быть чуть ироничным: интересно, как она прореагирует на это.

И тут в комнату ввалился огромный пес, ирландский волкодав, и шлепнулся на пол возле стола. Потом появился еще один, обошел пару раз вокруг глобуса и улегся под ним.

– Ну, – сказала «сестра», тоже стараясь быть ироничной, – это, собственно, все, что я могла для тебя сделать. Ты бы все-таки ездил поосторожнее.

– Непременно, – ответил я. – Я непременно буду осторожнее, обещаю тебе. – Черт знает что за игру мы с ней затеяли, но поскольку она явно не понимает, что именно я помню, а что забыл, я решил продолжать в том же духе, чтобы вытянуть из нее всю информацию, какую она могла дать. – Мне показалось, что ты не прочь узнать, в каком я состоянии, вот я и приехал.

– Да, конечно. Меня это беспокоило и продолжает беспокоить, – откликнулась Эвелин. – Ты не голоден?

– Не очень. Перекусил слегка часа два-три назад.

Она позвонила горничной и велела принести поесть. Потом сказала:

– У меня вообще-то была мысль, что тебе взбредет в голову самостоятельно выбраться из клиники «Гринвуд», едва ты придешь в себя. Правда, я не ожидала, что это случится так скоро. И уж тем более – что ты явишься прямо ко мне.

– Знаю, – кивнул я. – Именно поэтому я здесь.

Она протянула мне сигареты и сама взяла одну. Я дал ей прикурить, затем прикурил сам.

– Ты всегда был совершенно непредсказуем! – сообщила она мне наконец. – И хотя в прошлом это не раз тебе помогало, сейчас я бы не слишком рассчитывала на собственную непредсказуемость.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сейчас ставки слишком высоки, чтобы блефовать, а ты, по-моему, как раз блефуешь. Ишь ты, явился прямо сюда!.. Меня всегда восхищало твое мужество, Корвин, но нельзя же вести себя так глупо! Ты ведь прекрасно знаешь, в каком положении оказался.

Корвин? Что ж, запомним и это имя. Оно не хуже, чем Кори.

– А может быть, я ничего не знаю? Не забывай, я ведь довольно долго проспал.

– Ты хочешь сказать, что с тех пор ни с кем не общался?

– Как-то возможности не представлялось. Во всяком случае, с тех пор как очнулся.

Она склонила голову набок, прищулив свои прелестные глаза.

– Сомнительно... Хотя вполне возможно. Видимо, это действительно так. Видимо. Хорошо, предположим, я тебе поверила. Пока что. В таком случае ты весьма разумно поступил, приехав сюда. Ладно, я должна подумать.

Я затаился сигаретой, надеясь, что она скажет еще что-нибудь. Но она молчала. Тогда я решил воспользоваться тем преимуществом, которого, похоже, добился в этой загадочной игре с неведомыми мне игроками и слишком высокими ставками, о которых не имел ни малейшего понятия.

– Уже одно то, что я приехал сюда, о чем-то говорит, – заявил я.

– Разумеется, – ответила она. – Это я понимаю. Но ведь ты же хитрец, так что говорить твой приезд может о чем угодно. Поживем – увидим.

Поживем? Увидим? Что увидим?

Горничная принесла бифштексы и кувшин с пивом, так что я на время был избавлен от необходимости делать слишком многозначительные заявления, которые моей собеседнице казались хитроумными и уклончивыми. Бифштекс был превосходный, розовый внутри и истекающий соком. Я впился зубами в кусок свежего, хрустящего хлеба, жадно запивая еду пивом. Она, смеясь, наблюдала за мной, отрезая маленькие кусочки от своей порции.

– Мне нравится смотреть, с каким аппетитом ты ешь, Корвин. До чего же ты любишь жить! Именно поэтому мне будет крайне неприятно, если тебе придется с жизнью расстаться.

– Мне тоже, – пробормотал я.

Пожирая мясо, я размышлял. Она вдруг вспомнилась мне совсем в иной одежде: в бальном платье зеленого цвета – такого, каким бывает море на глубине, – с длинной пышной юбкой, с обнаженными плечами. Звучала музыка, вокруг танцевали, слышались голоса... Сам я был в черном с серебром...

Видение исчезло. Но это явно было воспоминание из реального прошлого. Я знал это, я был в этом уверен. Проклятие! Я никак не мог восстановить картину во всей полноте. Что она в том зеленом бальном платье говорила тогда мне, одетому в черное с серебром, ночью, наполненной музыкой и голосами танцующих людей?..

Я налил ей и себе еще пива и решил проверить себя.

– Помнится, однажды ночью. Ты еще была в своем зеленом платье, а я, как всегда, в черном... Не забыла? Все тогда казалось прекрасным, и музыка играла...

Ее взгляд вдруг стал задумчивым, щеки порозовели.

– Да, – промолвила «сестра». – О дивные, светлые времена... Так ты действительно ни с кем не встречался?

– Слово чести, – произнес я торжественно, к чему бы это ни относилось.

– Положение значительно ухудшилось, – сказала она. – Из Царства Теней появляется столько ужасного, что и представить себе было невозможно.

– И?..

– И у него по-прежнему множество проблем, – договорила Эвелин.

– Неужели?

– Ну конечно! И он, разумеется, захочет узнать, на чьей ты стороне.

– Да на той же!

– Ты хочешь сказать?..

– Во всяком случае, пока, – быстро добавил я. Может быть, слишком быстро, потому что глаза ее вдруг изумленно расширились. – Я ведь все еще не полностью представляю себе расстановку сил.

Что бы это ни значило, пусть думает.

– Ах вот как.

Мы наконец покончили с бифштексами, остатки кинули псам.

Потом мы пили кофе, и мне вдруг отчетливо показалось, что она мне действительно сестра. Но я подавил излишнюю сентиментальность.

– А как остальные? – спросил я. Это могло означать все, что угодно, но звучало вполне безобидно.

На секунду у меня, правда, возникло опасение, что она спросит, кого конкретно я имею в виду. Но она ничего не спросила, а откинулась на спинку кресла и проговорила, глядя в потолок:

– Как обычно. Ни от кого никаких известий. Никто уже давно не появлялся. Ты, вероятно, поступил умнее всех. Мне, во всяком случае, это нравится. Но разве можно забыть?! Честь, славу?..

Я опустил глаза, так как не знал, что они должны в такой момент выражать.

– Невозможно, – сказал я. – Забыть об этом невозможно.

Последовало долгое и какое-то напряженное молчание. Потом она спросила:

– Ты меня ненавидишь?

– Конечно же, нет, – ответил я. – Как же я могу, памятуя обо всем, что ты для меня сделала?

Это, казалось, ее успокоило. Она опять улыбнулась, показав очень белые зубы.

– Спасибо тебе. Что бы ни случилось, ты всегда джентльмен.

Я с улыбкой поклонился:

– Ты мне льстишь.

– Едва ли, – сказала она. – Памятуя обо всем, что ты для меня сделал.

Тут я почувствовал себя неуютно.

Гнев мой все еще пылал в груди. Интересно, подумал я, а она знает, против кого этот гнев должен быть направлен? Я чувствовал, что знает. И боролся с искушением спросить ее об этом напрямик. Искушение удалось подавить.

– Ну хорошо. А что ты намерен делать теперь? – спросила она наконец.

Я был к этому вопросу готов и тут же ответил:

– Ты, конечно, мне не поверишь...

– Конечно. Этого мы не можем себе позволить.

Я отметил это «мы».

– Пока что я намерен оставаться у тебя под присмотром. Буду рад, если ты здесь глаз с меня не спустишь.

– А потом?

– Потом? Посмотрим.

– Что ж, разумно, – кивнула она. – Весьма разумно. И ты к тому же поставишь меня в довольно затруднительное положение.

Я сказал так только потому, что мне просто некуда было идти, а денег, заработанных шантажом, надолго не хватило бы.

– Конечно, – продолжала Эвелин, – ты можешь оставаться у меня. Но должна тебя предупредить, – и она ткнула пальцем в какой-то предмет, висевший у нее на шее, который я принял было за кулон. – Это свисток для собак. Ультразвуковой. Вот Доннер и Блицен, а еще у них есть четыре брата, и все они приучены ставить надоедливых людей на место, а на сигнал мой реагируют мгновенно. Так что не вздумай совать свой нос туда, куда не следует. При малейшей опасности я подам сигнал, и перед моими псами не устоишь даже ты. Ведь именно благодаря этим собачкам в ирландских лесах перевелись волки.

– Понятно, – сказал я. Действительно, чего уж тут не понять.

– Хорошо, – продолжала она. – Эрику будет приятно думать, что ты мой гость. И он, наверное, перестанет тебя преследовать. Ведь ты именно этого и хочешь, *n'est-ce pas?*²

– *Oui*³, – ответил я.

Эрик! Очень знакомое имя! Когда-то давно я действительно знал какого-то Эрика, и это показалось мне весьма важным. Но тот Эрик, с которым я тогда встречался, все еще существовал, и это тоже было очень важно.

Почему?

Я его ненавидел, вот почему. Ненавидел так сильно, что готов был убить. Может быть, даже пытался.

Но, кроме этого, нас с ним связывало что-то еще, сомневаться не приходилось. Может быть, он мой родственник?

Да, точно. Никому из нас не доставляло особой радости быть братьями. Я вспомнил, наконец я вспомнил!

Огромный, могучий Эрик. Борода вся мокрая и кудрявая, а глаза... Глаза – как у Эвелин!

Меня потрясли эти проснувшиеся воспоминания, в висках застучала боль, от затылка к шее разлилась горячая волна. Но выражение моего лица оставалось неизменным. Я лишь позволил себе лишний раз затянуться сигаретой да отхлебнул еще глоток пива. И так, Эвелин

² Не так ли (*фр.*).

³ Да (*фр.*).

действительно оказалась моей сестрой! Только звали ее вовсе не Эвелин!.. Осторожнее, сказал я себе. Не надо вообще называть ее по имени, пока не вспомнишь.

Ну а сам я? Кто я такой и что со мной происходит?

И внезапно меня осенило: Эрик имеет какое-то отношение к той автокатастрофе! Я должен был в ней погибнуть, да вот выжил. Значит, это он все подстроил! А Эвелин на его стороне. Она не жалела денег, чтобы в «Гринвуде» меня пичкали наркотиками до полусмерти! Это, конечно, лучше, чем смерть, хотя...

И тут мне стало ясно, что, приехав к Эвелин, я, таким образом, умудрился угодить прямо в лапы Эрику.

И теперь буду в некотором роде его пленником – он в любой момент сможет снова покуиться на мою жизнь. Если я останусь в этом доме, разумеется.

Однако Эвелин сказала, что если я буду жить у нее, то он оставит меня в покое. Я колебался. Ей, конечно, доверять не следует, и все время надо быть начеку. Может, лучше все-таки куда-нибудь уехать и подождать, пока полностью не восстановится память?

Но в то же время меня не покидало ощущение, что мне нельзя сидеть сложа руки. Надо как можно скорее восстановить полную картину событий и действовать, уже исходя из этого. Жажда деятельности прямо-таки томила меня. Что ж, ладно, я останусь у нее, даже если за собственные воспоминания придется дорого заплатить.

– А еще я помню... – сказала Эвелин, и до меня дошло, что все это время она о чем-то рассказывала, а я ее не слушал. Может быть, она и не заметила этого, потому что целиком погрузилась в какие-то воспоминания. Я же не слушал ее потому, что то, о чем я непрестанно размышлял, было для меня гораздо важнее. – ...помню, как однажды вы с Джулианом играли в его любимую игру и ты его обыграл, а он запустил в тебя бокалом вина. Как он тогда ругался!.. Но ты все-таки выиграл приз. А он еще потом испугался, что слишком дал себе волю. Но ты только посмеялся, и потом вы с ним снова пили вино. Мне кажется, он тогда очень сожалел, что так разозлился: он ведь прекрасно умеет владеть собой. А в тот день страшно тебе завидовал и не смог скрыть своих чувств. Помнишь? По-моему, с того дня он и начал во всем тебе подражать. И все равно я его ненавижу! Чтоб он пропал! Я думаю, что он...

Джулиан, Джулиан, Джулиан... И да, и нет. Какая-то игра... Я его обыграл, он утратил свое хваленое самообладание... Да, что-то такое вспоминалось. Нет, я так и не мог вспомнить, что это было.

– А Кейн? Как ты его дурачил! Он ведь до сих пор тебя ненавидит, знаешь ли.

Я понял, что в семье меня не особенно любили. И это почему-то меня радовало.

Имя Кейн тоже звучало привычно. Очень знакомое имя.

Эрик, Джулиан, Кейн, Корвин. Имена эти, сменяя друг друга, вертелись у меня в голове, и мне показалось, что им там тесно.

– Все это в прошлом, – произнес я непроизвольно, и это было действительно так.

– Корвин, – сказала она, – перестань вилять. Я же понимаю, что ты не просто прячешься здесь. И что ты по-прежнему достаточно силен, чтобы добиться своего даже при нынешнем положении вещей – если, конечно, избереешь правильную тактику. Мне трудно отгадать, что именно у тебя на уме, но, может быть, нам удастся договориться с Эриком.

Опять «нам»? Она, видимо, уже определила мое место в этой большой игре. И явно углядела возможность кое-что выиграть. Я слегка улыбнулся.

– Ты ведь поэтому приехал сюда? – продолжала Эвелин. – Ты что-то хочешь предложить Эрику? И тебе нужен посредник?

– Может быть, – ответил я. – Но я еще должен подумать. Я ведь совсем недавно поправился, и мне есть над чем подумать, согласись. Я просто хотел некоторое время побыть в безопасности, имея, однако, возможность быстро предпринять любые необходимые шаги, если решу, что в моих интересах договориться с Эриком.

– Берегись, – сказала она. – Ты же знаешь, что я передам ему каждое твое слово.

– Ну разумеется! – воскликнул я, хотя не знал ровным счетом ничего и старался отделиться общими фразами. – Если только – чисто случайно – твои сокровенные интересы не совпадают с моими.

Эвелин нахмурилась, на лбу ее между бровями пролегла морщинка.

– Нельзя сказать, что я тебя поняла.

– Я пока ничего конкретного и не предлагаю. Пока. Честно и открыто заявляю тебе, что пока ничего не знаю. Не уверен, что стану искать союза с Эриком. В конце концов...

Я специально не закончил фразы: не знал, как ее закончить, хотя чувствовал, что сказать что-то должен.

– У тебя есть выбор? – Внезапно Эвелин вскочила и схватилась за свисток. – Ну конечно! Блейз!

– Сядь, – сказал я. – И не говори чепухи. Стал бы я сюда являться с открытой душой и безоружный, чтобы ты имела возможность натравить на меня своих собачек! И вообще, при чем здесь Блейз?

Она села, пожалуй, немного успокоенная и даже смущенная.

– Может быть, я и не права, зато прекрасно знаю, что ты опасный игрок и предательство тебе не в новинку. Если ты явился сюда, чтобы покончить с одним из своих врагов, используя меня, то можешь не трудиться: я не гожусь для столь важной роли. Пора было бы уже это понять. Кроме того, ты, по-моему, всегда относился ко мне с симпатией.

– Правильно, всегда, – кивнул я. – И вообще, тебе не о чем беспокоиться. Блейз! Интересно, почему ты вспомнила это имя?

Ну, смотри же, какая жирная наживка! Хватай же, хватай! Мне еще столько нужно узнать!

– Почему? Значит, вы с ним все-таки виделись?

– Я бы предпочел пока оставить эту тему, – сказал я, рассчитывая зацепиться попрочнее. Ведь я наконец узнал, что Блейз – мужчина. – Даже если бы Блейз ко мне обратился, я ответил бы ему то же самое, что и Эрику: я подумаю.

– Все-таки Блейз! – повторила Эвелин.

И у меня в голове вертелось это имя. Блейз! Ты мне нравишься, Блейз. Не помню уж почему, но нравишься. Хотя я вроде бы не должен тебя любить, и на то есть веские основания. Но ты мне нравишься, это я твердо знаю.

Мы некоторое время молчали. Я чувствовал себя совершенно разбитым, но виду не показывал. В ее глазах мне надлежало выглядеть сильным. Потом я улыбнулся и сказал:

– Замечательная у тебя библиотека.

– Спасибо, – ответила она. Затем после некоторой паузы повторила опять: – Блейз... Как ты думаешь, а у него есть шансы?

Я пожал плечами:

– Кто знает? Я, во всяком случае, понятия не имею. Может быть, есть. А может быть, и нет.

Эвелин вдруг изумленно уставилась на меня, полуоткрыв рот.

– Не имеешь понятия? – переспросила она. – Ты хочешь сказать, что сам даже и пытаться не будешь, а?

Я рассмеялся – затем лишь, чтобы снять напряжение.

– Не говори глупостей. При чем здесь я?

Однако своим вопросом она будто задела в самой глубине моей души некую сокровенную струну, которая глухо прогудела: «А почему бы и нет?»

И я вдруг испугался.

Эвелин же, казалось, испытала облегчение, услышав мой отказ от претензий – неизвестно на что. Улыбнулась и, показывая на встроенный бар слева от меня, сказала:

– Давай выпьем виски.

– Давай, – ответил я. Поднялся и налил ей и себе.

– Знаешь, – продолжил я, вновь опускаясь в кресло, – а это приятно – вновь вот так посидеть с тобой, хотя бы недолго. Навевает приятные воспоминания.

Эвелин улыбнулась в ответ. Она была просто очаровательна.

– Да, ты прав. – Она пригубила виски. – Когда ты рядом, я чувствую себя почти как в Янтарном Королевстве, в родном Амбере.

Я чуть не выронил стакан.

Амбер!.. Словно молния сверкнула в моем мозгу.

А она вдруг заплакала, и мне пришлось утешать ее, обнимая за плечи.

– Не плачь, малышка. Ну, не плачь. Когда ты плачешь, мне тоже хочется завывать.

Амбер! В этом слове нечто прямо-таки магическое!

– Не плачь, – повторил я тихо. – Для нас еще настанут хорошие времена.

– Ты правда в это веришь?

– Да, – сказал я твердо, – верю!

– Ты все-таки сумасшедший, – сказала Эвелин. – Наверное, поэтому я тебя всегда любила больше других братьев. Я почти всегда верю любым твоим словам, хоть и знаю, что ты сумасшедший.

Она еще поплакала, потом перестала.

– Корвин, – сказала она, – если благодаря какому-нибудь капризу судьбы... даже с помощью Царства Теней... если когда-либо ты все же добьешься своего – ты не забудешь свою сестричку Флоримель?

– Не забуду, – ответил я, твердо зная, что это ее настоящее имя. – Тебя я не забуду.

– Спасибо, Корвин. Я передам Эрику только суть нашего разговора. А про Блейза вообще ничего не скажу. И о своих подозрениях тоже.

– Спасибо, Флора.

– Но тебе я все равно не верю ни на грош! – добавила она. – Тоже не забывай.

– Это мне и так ясно.

Потом она позвала горничную, и та проводила меня в отведенную мне комнату. Я как-то умудрился даже раздеться, рухнул в постель, заснул мертвым сном и проспал целых одиннадцать часов.

Глава 3

Утром, когда я проснулся, Флоры дома уже не было. Никакой записки она не оставила. Горничная подала мне завтрак на кухне, а сама отправилась по своим делам. Я не стал расспрашивать ее ни о чем, поскольку она либо действительно ничего не знала, либо не имела права сказать мне хоть что-то из того, что меня интересовало. К тому же она, несомненно, донесла бы о моих расспросах Флоре. Итак, поскольку дом был в полном моем распоряжении, я решил отправиться в библиотеку и там попробовать что-то разузнать. Кроме того, я вообще люблю библиотеки. Я прекрасно чувствую себя в окружении множества книг, в которых столько прекрасных и мудрых слов. Всегда как-то спокойнее, когда что-то отгораживает тебя от Царства Теней.

Внезапно откуда ни возьмись появился Доннер или Блицен, а может быть, еще какой-то их братец, и, припадая на лапы, пошел за мной по холлу, нюхая мои следы. Я попробовал расположить собачку к себе, но это было все равно что улыбаться полицейскому, когда тот задерживает тебя на шоссе за превышение скорости. По дороге я заглянул и в другие комнаты – просто комнаты, обычные и совершенно безобидные.

Итак, я вошел в библиотеку, где снова уперся взглядом в Африку на гигантском глобусе. Дверь за собой я закрыл, оставив собак в коридоре, и прошелся вдоль полок, разглядывая корешки и читая названия книг.

Большая часть из них была по истории, во всяком случае мне так показалось. Много было также книг по искусству – большие, дорогие альбомы. Некоторые я полистал. Обычно самые лучшие мысли приходят в голову, когда думаешь вроде бы о чем-то совсем другом.

А размышлял я о возможных источниках явного богатства Флоры. Если мы родственники, то не должно ли это означать, что и я тоже некоторым образом довольно состоятельный человек? Интересно было бы узнать поточнее, каковы мой социальный статус и профессия, а также – откуда я родом. У меня было смутное ощущение, что проблемы денег для меня не существовало: их всегда предостаточно, чтобы удовлетворять любые мои запросы. Неужели и у меня был такой же большой дом? Я не помнил.

Чем же все-таки я занимался раньше?

Сидя за столом, я сосредоточенно пытался хоть что-нибудь вспомнить. Нелегко копаться в собственной памяти, как в чужом сундуке. Может быть, именно поэтому я и не мог ничего оттуда выудить. Что твое, то твое. Это как бы часть тебя самого, и совершенно невозможно смотреть со стороны на то, что находится где-то у тебя внутри. В том-то все и дело.

Может быть, я врач? Мысль пришла мне в голову, когда я рассматривал анатомические наброски Леонардо да Винчи. Невольно я начал вспоминать различные стадии хирургических операций и понял, что в прошлом не раз оперировал людей.

Но это явно было не главное. Мое прежнее отношение к медицине, безусловно, являлось частью чего-то большего. Я почему-то знал, что никогда по-настоящему не практиковал как врач, как хирург. Но чем же я тогда занимался? И в какой области?

Внезапно мое внимание привлекла сабля.

Сидя за столом, я имел возможность обозревать всю комнату и на дальней стене среди прочих вещей заметил старинную кавалерийскую саблю, которая в первый раз почему-то не попала мне на глаза. Я подошел к ней и взял ее в руки.

Она была в ужасно запущенном состоянии. Я даже поцокал языком от возмущения. Чтобы привести ее в должный вид, прежде всего требовался точильный брусок и масло. Я явно кое-что понимал в старинном оружии, особенно что касалось клинков.

Сабля была довольно легкой и хорошо лежала в руке, создавая ощущение свободы и уверенности. Я встал в позицию, парировал воображаемый выпад, нанес несколько рубящих ударов... Да, меня, безусловно, учили обращаться с нею.

Так какво же оно, мое прошлое?

Я вновь огляделся вокруг, надеясь еще на какую-нибудь зацепку. Но остальные вещи молчали.

Я повесил клинок обратно, вернулся к столу и, усевшись в кресло, решил осмотреть ящики.

Начал я со среднего, затем, ящик за ящиком, осмотрел левую тумбу и, наконец, правую.

Бумага, конверты, почтовые марки, скрепки, огрызки карандашей, ластик – всякая чепуха.

Тогда я вынул из стола все ящики один за другим и, по очереди ставя себе на колени, начал копаться в каждом. Это я тоже умел – производить обыск. Интересный я прошел курс наук.

А еще память подсказывала мне, что надо исследовать и сами тумбы. Изнутри.

Вот тут-то и обнаружилось то, что сначала ускользнуло от моего внимания: верхний ящик правой тумбы был не таким глубоким, как остальные. Я заглянул внутрь и увидел что-то вроде небольшой коробки, прикрепленной снизу к крышке стола.

Это тоже оказалось выдвижным ящиком, маленьким и запертым на замок.

Я поковырялся в замке скрепкой, потом булавкой и уже через минуту выдвинул ящичек с помощью рожка для обуви, который нашел там же, в столе. И обнаружил колоду игральных карт.

То, что было изображено на рубашке верхней карты, буквально сразило меня. Весь покрывшись испариной и едва дыша, я так и застыл – у стола на коленях.

Это был вставший на дыбы белый единорог на зеленом поле, обращенный вправо.

Он был мне до боли знаком, хотя я не мог сказать, где видел его прежде.

Перевернув колоду, я стал рассматривать карты. Некоторые карты были самыми обычными – валеты, дамы с веерами, короли с мечами, скипетрами, кубками. Но некоторые карты были совершенно ни на что не похожи!

Я поставил на место все ящики, стараясь не защелкнуть замок на секретном. Потом продолжил изучение колоды.

Изображения почти как живые: люди на странных картах, похоже, готовы шагнуть ко мне, прорвав блестящую оболочку. Сами карты холодные, гладкие и приятные на ощупь.

Внезапно я вспомнил, что и у меня когда-то были точно такие же карты. И принялся раскладывать их на столе.

На одной был изображен остроносый смеющийся человечек с коварным и хитрым лицом и целой копной волос соломенного цвета. Костюм человечка напоминал эпоху Возрождения – яркое сочетание оранжевого, красного и коричневого: длинные штаны в обтяжку и тесно прилегающий расшитый дублет. Я узнал его. Это был Рэндом.

Со следующей карты на меня равнодушно смотрел Джулиан. Длинные черные волосы и голубые ко всему безразличные глаза. Он был с ног до головы в белых доспехах – не серебряных и как бы вообще не из металла, но словно покрытых эмалью. Однако я знал, что это очень прочные доспехи, способные выдержать самый мощный удар меча, несмотря на кажущуюся декоративность и явную изысканность. Именно этого человека я когда-то обыграл в его любимую игру, за что он и запустил в меня стаканом с вином. Я хорошо знал его и от всей души ненавидел.

Затем возникло смуглое лицо, черные глаза. Кейн, одет в черный с зеленым отливом атлас. Темная шляпа-треуголка лихо сдвинута на один бок. Длинный зеленый плюмаж спускался ему на спину. Он как бы повернулся ко мне боком, лихо подбоченясь. Носки его сапожек

загибались вверх. На поясе висел украшенный изумрудами кинжал. Этот человек вызывал у меня двойственные чувства.

Следующим был Эрик. Красавец, что ни говори. Волосы иссиня-черные, как вороново крыло, борода кудрявая, вечно улыбающийся сочный рот. Обычная кожаная куртка и кожаные штаны, простой плащ и высокие черные сапоги. На широкой красной португее серебристая сабля, рукоять которой украшена крупным рубином. Капюшон плаща и обшлага куртки тоже отделаны красным. Большие пальцы рук заложены за пояс; руки мощные, крупные. Пара черных перчаток заткнута за ремень справа. Именно он – я был в этом уверен – пытался убить меня, подстроив автокатастрофу. Я смотрел на него с некоторым страхом.

Затем возник Бенедикт – высокий, суровый, очень худой, укололицый, но с широкой душой и великим умом. Костюм у него тоже был оранжево-красно-коричневый, и внешне он напоминал то ли пугало с головой-тыквой и клоком соломы вместо волос, то ли главного героя «Легенды Спящей Долины»⁴. У него были тяжелая крепкая нижняя челюсть, карие глаза и каштановые совершенно прямые волосы. Бенедикт держал под уздцы буланого коня и опирался на копьё, украшенное гирляндой цветов. Смеялся он редко. Его я любил.

Когда я открыл следующую карту, сердце мое забилося так, словно хотело выпрыгнуть из груди.

То был я сам.

Все равно что смотришь в зеркало, когда бреешься. Да, лицо, изображенное на карте, было точно моим: зеленые глаза, черные волосы. Одет в черное с серебром. На плечах плащ, чуть раздуваемый ветром. Черные высокие сапоги, как у Эрика. Клинок на боку, только потяжелее и не такой длинный, как у него. На руках – латные перчатки, отливающие серебром. Пряжка под горлом в виде серебряной розы.

Это был я, Корвин.

А со следующей карты на меня смотрел могучий и властный мужчина. Мы с ним были очень похожи, только челюсти у него казались, пожалуй, более мощными и тяжелыми, да и сам он был крупнее меня, зато – я точно знал это – гораздо медлительнее. Силищей он обладал поистине сказочной. В своей серой с синим мантии, перехваченной в талии широким черным поясом, мужчина стоял и смеялся. На груди у него покоился на крепкой серебряной цепи охотничий рог. Лицо обрамлено короткой бородкой, над верхней губой небольшие усы. В правой руке – кубок вина. Внезапно какие-то добрые чувства проснулись во мне, и тут же в памяти всплыло его имя: Джерард.

Потом появилось изображение ярко-рыжего, словно в огненной короне, человека, одетого в красные и оранжевые шелка. В правой руке он держал меч, в левой – кубок. В глазах, той же синева, что у Флоры и Эрика, плясали черти. Тонкий подбородок, борода. Меч украшен золотой насечкой. На правой руке – два массивных перстня, и еще один на левой: соответственно с изумрудом, рубином и сапфиром. Это и был Блейз.

А потом возник еще один, похожий на Блейза и на меня. Черты лица – почти как у меня, только помельче, а глаза и волосы, как у Блейза. Безбородый. В зеленом костюме для верховой езды. Он сидел на белом коне, причем конь на карте смотрел вправо. В этом человеке одновременно чувствовались и сила, и слабость; предприимчивость и полная отрешенность от мира. Он и нравился, и не нравился мне, чем-то привлекая и отталкивая. Звали его Брэнд. Я вспомнил это, лишь только взглянул на него.

Итак, я знал их всех, помнил их сильные и слабые стороны, их победы и поражения.

Потому что все это были мои братья.

⁴ «Легенда Спящей Долины» – рассказ классика американской литературы Вашингтона Ирвинга (1783–1859), романтика, основателя жанра рассказа в американской прозе.

Я вытащил из Флориной сигаретницы сигарету и закурил. Потом откинулся на спинку кресла и стал размышлять о том, что успел вспомнить.

Да, это были мои братья – все восемь странных людей, одетых в странные костюмы. Но я понимал, что именно так они и должны быть одеты, равно как и сам я должен носить черное с серебром.

Мне вдруг стало смешно: я понял, во что одет, что именно я купил в первом попавшемся магазинчике, когда сбежал из «Гринвуда». На мне были черные брюки, а все три купленные мною рубашки были серебристо-серого цвета. Пиджак тоже был черным.

Я опять взял карты в руки. И передо мной появилась Флора в платье цвета морской волны, в том самом, в каком вспомнилась мне накануне. Следующая картинка изображала черноволосую девушку с голубыми глазами – как у Флоры. Ее длинные волосы свисали ниже пояса, она была в черном платье, на талии – серебряный пояс. Мои глаза вдруг наполнились слезами, сам не знаю почему. Имя ее было Дейдрэ.

Потом последовала Фиона; волосы в точности как у Блейза или Брэнда, а глаза мои. Кожа жемчужно-белая. И сразу же во мне вспыхнула ненависть.

Я быстро перевернул следующую карту, и там была Ллевелла с зеленоватыми нефритовыми волосами и глазами, в мерцающем серо-зеленом платье, перетянутом лиловым поясом. Глаза ее были влажны от слез, и выглядела она какой-то мокрой и печальной. Почему-то я был уверен, что она совсем иная, чем мы, но тоже моя сестра.

Я ощутил вдруг ужасную тоску, оторванность ото всех этих людей. С другой стороны, мне явственно казалось, что они где-то рядом.

Карты были очень холодными, кончики пальцев у меня совсем заledenели. Я положил карты на стол, впрочем, не очень охотно. Мне почему-то не хотелось выпускать их из рук.

Но рассматривать в колоде больше было нечего. Остальные карты оказались обычными. И еще я чувствовал – снова не в силах понять, откуда взялось это ощущение, – что нескольких карт тут не хватает. Но я в жизни не ответил бы на вопрос, каких именно. И что на них изображено.

От этого мне почему-то стало совсем грустно. Я снова закурил и задумался.

Почему я сразу же вспомнил этих людей, едва открыв карты? И почему я совершенно не мог вспомнить ничего, с ними связанного? Теперь я знал куда больше, чем утром, но все это были лишь имена и лица. И практически ничего больше.

Я не мог, например, понять, зачем все мы изображены на игральных картах. Однако мне страшно хотелось иметь точно такую же колоду. Если взять Флорину, она сразу же узнает о пропаже и у меня будут неприятности. Поэтому я снова положил карты в секретный ящик и запер его.

Господи, как я после этого пытался растормошить свою память! Но, увы, безрезультатно.

Пока не вспомнил странное, волшебное слово.

Амбер!

Вчера вечером, услышав это название, я был поражен в самое сердце. Мне было так больно, что потом я старался даже не вспоминать об этом. Теперь же слово «Амбер» манило меня, и я решил выяснить, какие ассоциации оно может вызвать.

Прежде всего я почувствовал страшную тоску, даже ностальгию. Где-то в самой глубине этого слова – «Амбер» – таилась некая неизъяснимая прелесть; оно вызывало смутные воспоминания о власти и победах: власти почти неограниченной, победах громких и славных. И еще – слово это явно было для меня привычным, часто произносимым. Я как бы являлся его частью, и, с другой стороны, оно тоже было частью меня самого. Я уже понял, что это название какой-то страны, которую я хорошо знал когда-то. Я чувствовал сильное волнение, однако в памяти не возникало никаких картин.

Сколько я так просидел, не помню. Время как будто остановилось, растворилось в моих воспоминаниях.

Из глубокой задумчивости меня вывел легкий стук в дверь. Потом дверная ручка медленно повернулась, и в библиотеку вошла горничная Кармела. Ее интересовало, не проголодался ли я.

Мысль была здравая, и я, проследовав за девушкой на кухню, с удовольствием съел половину цыпленка и выпил большую кружку молока. Кофе я прихватил с собой в библиотеку и уже наливал себе вторую чашку, когда зазвонил телефон.

Мне страшно хотелось самому снять трубку, но потом я решил, что в доме есть параллельные аппараты и, по всей вероятности, ответить лучше Кармеле.

Но телефон продолжал звонить. И я не выдержал.

– Алло, – сказал я, – резиденция миссис Фломель.

– Будьте любезны, попросите ее к телефону.

Это был мужчина. Он говорил быстро и, похоже, нервничал. Дышал с трудом, словно запыхался. К тому же в трубке слышались еще какие-то неясные звуки, шорохи и голоса. Мужчина явно звонил издалека, из другого города.

– К сожалению, ее нет дома, – ответил я. – Ей что-нибудь передать?

– А с кем я имею честь говорить? – спросил он.

Я некоторое время колебался. Но потом все же ответил:

– С Корвином.

– Боже мой! – воскликнул он и вдруг надолго умолк.

Я уж было решил, что он повесил трубку.

– Аллю, алло. – Я даже подул в трубку.

Тогда он заговорил вновь:

– Она жива?

– Конечно, жива! Какого черта! Кто это говорит?

– Ты что, не узнаешь меня, Корвин? Я – Рэндом! Слушай, я сейчас в Калифорнии. У меня тут неприятности. Я хотел попросить Флору приютить меня. Ты что, тоже у нее поселился?

– Временно.

– Понятно. Так я могу рассчитывать на твою помощь и защиту, Корвин? – Он еще помолчал и прибавил: – Пожалуйста.

– Разумеется, я постараюсь, – ответил я. – Но я же не могу решать за Флору, даже не посоветовавшись с нею.

– Так ты за меня заступишься в случае чего?

– Да.

– Тогда ладно. Прямо сейчас попытаюсь вылететь в Нью-Йорк. Добираться, видимо, буду кружным путем, не представляю, сколько это займет времени. Встретимся, если смогу уйти от них. Пока. Пожелай мне удачи.

– Желаю удачи, – ответил я.

В трубке щелкнуло, и снова послышались шорохи и отдаленные голоса.

Итак, нахальный малыш Рэндом попал в беду. Раньше, уверен, меня бы это вряд ли тронуло. Но теперь он мог стать ключом к моему прошлому, да и к будущему тоже. Что ж, попытаюсь помочь ему чем смогу, пока не узнаю от него все, что мне нужно. Я уже понял, что между нами не было особенно теплой, братской любви. Но я также знал, что он отнюдь не дурак, никому не прислуживает, весьма находчив и умен, хоть и склонен порой к сентиментальности по самым неожиданным поводам. С другой стороны, слово его гроша ломаного не стоило, и вообще он готов был продать кого угодно и кому угодно, лишь бы цена была подходящая.

Теперь я уже достаточно хорошо вспомнил его, этого маленького негодяя. Хотя было у меня к нему и какое-то теплое чувство, может, в связи с прошлыми временами, когда мы еще

дружили. Но доверять ему?! Никогда! Я решил ничего не говорить Флоре, пока Рэндом не явится сам. Он мог сыграть в моей игре роль припрятанного в рукаве туза. Или хотя бы валета.

Я налил себе еще кофе и, медленно прихлебывая, размышлял.

Интересно, от кого он бежит?

Явно не от Эрика, иначе он не стал бы звонить Флоре. И почему это он спросил, жива ли еще Флора? Не потому ли, что я оказался в ее доме? Неужели она действительно настолько предана Эрику, моему брату, которого я ненавидел, что все в семье уверены: я непременно и ее убью, если такая возможность представится? Это казалось весьма странным, но ведь вопрос-то он задал!

Против кого же они заключили союз? Откуда взялась ненависть, это всеобщее противостояние? И почему, от кого Рэндом должен был бежать?

Амбер!

Вот где ответ на все вопросы.

Амбер. Ключ ко всем загадкам. Это я теперь знал точно. Тайна всей неразберихи заключена в Амбере. В каком-то событии, совсем недавно случившемся там, насколько можно судить. Надо быть начеку. Надо притвориться, что мне все известно, и по крупницам, исподволь вытягивать информацию из всех, кто ею обладает. Между нами и так сплошное недоверие, так что опасаться нечего. Надо сыграть именно на этом. А когда я получу все, что мне нужно, добьюсь всего, чего хочу, уж я не забуду тех, кто помог мне, и разделаюсь с остальными. Ведь именно таковы законы нашей семьи; теперь я знал это, так же как и то, что я – истинный сын своего отца.

Внезапно вернулась жуткая головная боль, в висках застучало. Надо полагать, в связи с тем, что я вспомнил об отце. Именно это воспоминание, какая-то догадка... Но я так и не был уверен до конца.

Через некоторое время боль в висках унялась, и я уснул – прямо там, в кресле. Проснулся же оттого, что кто-то вошел. За окном снова царилась ночь, а на пороге стояла Флора.

Она была в шелковой зеленой блузке и длинной шерстяной юбке. Серой. В спортивных туфлях без каблуков и толстых чулках. Волосы были скручены в узел на затылке, и выглядела она довольно бледной. На груди, как всегда, болтался свисток для собак.

– Добрый вечер, – сказал я, вставая.

Она не ответила. Молча подошла к бару, плеснула в стакан ирландского виски и по-мужски выпила одним глотком. Потом налила еще, взяла стакан и устало опустилась в большое кресло.

Я закурил сигарету и передал ей. Она кивком поблагодарила меня, затем сказала:

– Добраться до Амбера слишком трудно.

– Почему?

Флора с удивлением подняла на меня глаза.

– Ты когда в последний раз пытался туда попасть?

Я пожал плечами:

– Не помню...

– Что ж, ладно. А я уж подумала, не твоих ли это рук дело.

Я не ответил, потому что не понимал, о чем она говорит. Но тут вдруг вспомнил, что существует и более легкий путь в Амбер, чем та дорога. Флора, очевидно, этого пути не знала.

– В твоей колоде не хватает нескольких карт, – вдруг сказал я почти совсем спокойно.

Она вскочила. Виски из стакана выплеснулось ей на руку.

– Отдай! – закричала она, хватаясь за свисток.

Я подошел к ней и взял за плечи.

– У меня их нет. Это просто констатация факта.

Флора несколько расслабилась, а потом вдруг заплакала. Я слегка подтолкнул ее к креслу и опустил в него.

– Я решила, что ты взял те, что у меня оставались, – пробормотала она. – Вечно ты всякие гадости говоришь!

Я не стал извиняться. Это показалось мне неуместным.

– Тебе далеко удалось пройти?

– Вовсе нет.

Флора рассмеялась, и в глазах ее вспыхнул какой-то новый огонек.

– Теперь я поняла, чего ты добился, Корвин, – сказала она, и мне пришлось закурить, чтобы только не отвечать. – Кое-что из того, что мне попало на дороге, это ведь твоя работа, не так ли? Прежде чем явиться сюда, ты перекрыл мне путь в Амбер, так ведь? Ты знал, что я пойду к Эрику. А теперь я не могу к нему пробраться. И мне придется ждать, пока он не явится сюда. Ты ведь этого хочешь, да? Хочешь заманить его? Только сам он не придет! Он пришлет гонца.

В голосе ее было странное восхищение. Она что, признавалась в том, что хотела выдать меня моим врагам? И в том, что все равно выдаст, когда представится такая возможность? Да еще упрекала меня в том, что я якобы чем-то помешал ей осуществить задуманное? Поразительно, как спокойно она признавалась в собственных дьявольских кознях, глядя мне прямо в глаза, мне, своей предполагаемой жертве...

Ответ выплыл внезапно из темных глубин моей памяти: так всегда ведут себя члены нашей семьи. Нам нет нужды щадить друг друга и что-то скрывать. И все же мне показалось, что Флоре не хватает настоящего профессионализма.

– Ты, видно, считаешь меня дураком? – спросил я. – Неужели ты думаешь, что я приехал сюда специально для того, чтобы подождать, пока ты выдашь меня Эрику? Что бы тебе ни встретилось на дороге, так тебе и надо.

– Ну ладно, хорошо. Да, мы с тобой враги. Но ведь и ты тоже в изгнании. Значит, и ты где-то умудрился свалить дурака!

Ее слова обожгли меня, словно удар хлыста, но я был уверен, что она не права.

– Черта с два! – ответил я.

Флора опять рассмеялась.

– Так я и знала, что ты не смолчишь! – удовлетворенно сказала она. – Хорошо. Значит, ты действительно побывал в Царстве Теней с какой-то определенной целью. Нет, все-таки ты совершенно сумасшедший.

Я пожал плечами.

– Так чего же ты от меня хочешь? – спросила она. – Зачем ты явился сюда?

– Мне просто интересно было узнать, на что ты способна, – ответил я. – Вот и все. Ты ведь не сможешь меня удержать, если я соберусь уехать. Даже Эрик не сможет этого сделать. А вдруг мне просто захотелось повидать тебя? Может быть, я к старости становлюсь сентиментальным. В любом случае я немножко поживу у тебя, а потом, вероятно, навсегда исчезну. Если бы ты не была столь приткой и не пыталась строить против меня козни, то извлекла бы для себя куда больше пользы. Ты же просила не забывать тебя, если однажды кое-что все же случится...

Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы до нее наконец дошло.

– Ты все же хочешь попытаться! – наконец выговорила она изумленно. – Ты действительно намерен попробовать!

– Да, черт возьми, намерен! – ответил я, совершенно в этом уверенный, что бы это намерение ни означало. – Можешь сообщить Эрику, если хочешь. Но помни: я ведь могу и добиться своего! И еще запомни: если я своего добьюсь, для тебя же лучше будет оказаться на моей стороне!

Да, хотелось бы мне узнать, о чем мы, черт побери, говорим! Но я уже вполне достаточно запомнил всяких слов и понимал, насколько важен их смысл, так что пользовался ими по своему усмотрению, не задумываясь, что именно они означают. Однако чувствовал: все, что я говорю, правильно, совершенно правильно.

Неожиданно Флора прильнула ко мне:

– Я не скажу ему. Правда, не скажу, Корвин! Мне кажется, ты сможешь своего добиться. Будет трудновато с Блейзом, но Джерард, наверное, тебе поможет. И Бенедикт тоже. А тогда и Кейн к вам переметнется – когда увидит, что происходит.

– Планы я и сам строить умею, – сказал я.

Она сразу отстранилась, отодвинулась. Налила вина в два бокала, протянула один мне.

– За будущее! – Флора подняла бокал.

– Я всегда пью за это.

И мы выпили.

Потом она снова наполнила мой бокал и внимательно посмотрела мне в глаза.

– Либо Эрик, либо Блейз, либо ты. Только вы трое способны на это. Но ты же сам вышел из игры, и так давно, что я почти сбросила тебя со счетов.

– Это лишний раз доказывает: ничего нельзя знать заранее.

Я отпил вина, надеясь, что сестрица наконец заткнется, хотя бы на минуту. Мне показалось, что она уж слишком очевидно пытается подыгрывать и нашим и вашим. Что-то в этом мне очень не нравилось, и я бы хотел немного подумать.

Интересно, сколько мне лет?

Это, я уверен, было в большой степени связано с тем чувством, которое я испытывал, рассматривая карты, – с чувством тоски и оторванности от людей, на них изображенных. Я был значительно старше, чем выглядел. На вид мне лет тридцать; во всяком случае, когда я смотрел в зеркало, мне так казалось. Но теперь-то я понимал, что Тени всегда лгут. Я был много-много старше. И уже очень давно не видел всех своих братьев и сестер вместе – мы тогда еще были друзьями и жили бок о бок, как карты в одной колоде, и между нами не было ни отчужденности, ни вражды...

У входной двери прозвенел звонок, и Кармела пошла открывать.

– Видимо, наш братец Рэндом, – сказал я, совершенно уверенный, что это именно он. – Я обещал ему свое покровительство.

Глаза Флоры широко раскрылись, но потом она улыбнулась, как бы высоко оценив мой гениальный маневр.

Я, впрочем, вовсе не был уверен в его гениальности, хотя обрадовался, что она считает именно так.

Так-то оно лучше.

Глава 4

Лучше мне стало минуты на три от силы.

Я обогнал Кармелу и быстро распахнул дверь.

Он ввалился внутрь, с силой захлопнув дверь за собой и задвинув засов. Под ясными глазами у него чернели круги, а одет он был вовсе не в расшитый дублет. И побриться явно не успел. На нем был коричневый шерстяной костюм, на ногах – темные замшевые туфли. Плащ небрежно перекинут через плечо. Но передо мной стоял действительно Рэндом, тот самый Рэндом, которого я видел на одной из карт. Только в уголках смеющихся губ сейчас притаилась усталость, а под ногтями был траур.

– Корвин! – воскликнул он и обнял меня.

Я сжал его за плечи.

– Ну и видок у тебя! Выпить хочешь?

– Да, да, да!.. – ответил он, и я подтолкнул его по направлению к библиотеке.

Через несколько минут он уже сидел в кресле, держа стакан с виски в одной руке, а сигарету в другой.

– За мной гонятся, – сообщил Рэндом. – И скоро будут здесь.

Флора вскрикнула, но мы не обратили на это никакого внимания.

– Кто? – спросил я.

– Обитатели Царства Теней, – ответил он. – Не знаю, какие они и кто их послал. Их четверо или пятеро. А может, и шестеро. Они летели в одном самолете со мной. Подсели, кажется, в Денвере. Я пытался сбить их со следа, да не вышло. А мне не хотелось слишком сильно отклоняться от маршрута. В Манхэттене я, кажется, все-таки оторвался от них. Но это ненадолго. Думаю, они скоро заявятся сюда.

– И ты совершенно не представляешь, кто их послал?

Он только улыбнулся:

– Ну, полагаю, непременно кто-то из наших. Может быть, Блейз. Или Джулиан. А может, Кейн. Впрочем, может быть, и ты – чтобы завлечь меня сюда. Надеюсь, однако, что это не ты. Или все-таки ты?

– К сожалению, не я, – сказал я. – Ну и что, ребята серьезные?

Рэндом пожал плечами:

– Двоих-троих я бы загнал в ловушку. Но их оказалось многовато.

Он был небольшого роста, что-нибудь мне до плеча. Да и весил, пожалуй, не больше килограммов шестидесяти. Но о возможной схватке говорил вполне уверенно. Я вдруг подумал: интересно, а на что способен я, его брат? Я чувствовал себя полным сил и знал, что с готовностью встречу в честном поединке с любым противником. Но насколько в действительности я силен?

И тут я понял, что очень скоро получу возможность узнать это.

В дверь постучали.

– Что будем делать? – спросила Флора.

Рэндом засмеялся, развязал галстук, снял его и бросил поверх плаща, лежащего на столе. Потом снял пиджак и огляделся по сторонам. Заметив висевшую на стене саблю, он тут же бросился к ней, и через секунду сабля была у него в руке.

Я достал пистолет и спустил предохранитель.

– Что делать? – переспросил Рэндом. – Скорее всего дверь они высадят. И, стало быть, войдут в дом. Когда ты в последний раз участвовала в битве, сестрица?

– Очень давно, – ответила Флора.

– Тогда поскорее вспоминай все, чему тебя когда-то учили, – заявил он. – Они скоро будут здесь. Их кто-то навел, я уверен. Однако нас все-таки трое, а врагов всего в два раза больше. Беспокоиться не о чем.

– Но мы же не знаем, что они из себя представляют, – сказала Флора.

В дверь опять постучали.

– А какое это имеет значение?

– Никакого, – сказал я. – Может быть, мне просто открыть им?

Они оба вдруг побледнели.

– Наверное, лучше все-таки подождать...

– Можно попытаться вызвать полицию, – предложил я.

Они рассмеялись – почти истерически.

– Или Эрика, – сказал я и взглянул на Флору.

Она покачала головой:

– У нас на это просто нет времени. Карта, конечно, у меня, но пока он ответит на вызов... если вообще ответит... Тогда уже будет поздно.

– А ведь их мог послать и он, – сказал Рэндом.

– Сомневаюсь, – ответила Флора. – Это не в его стиле.

– Верно, – кивнул я, просто чтобы дать им понять, что тоже вполне в курсе событий. – А как насчет Кармелы? – спросил я, только что вспомнив о девушке.

Флора покачала головой:

– Мне кажется, ей лучше не подходить к двери.

– Но ты же не знаешь, кто там, – сказал Рэндом и быстро выскочил из библиотеки. Я бросился за ним, и мы влетели в холл как раз вовремя, чтобы не дать Кармеле открыть дверь. Мы велели ей идти к себе и покрепче запереться.

– Противник, кажется, сильный, – сказал Рэндом. – Во что это мы влипли, Корвин?

Я пожал плечами:

– Если бы я знал! Ну, по крайней мере, пока мы заодно. Отойди-ка!

И я отпер дверь.

Первый попытался отшвырнуть меня в сторону, и я ударом отбросил его назад.

Их было шестеро, теперь я разглядел как следует.

– Что вам нужно? – спросил я.

Но мне никто не ответил. На меня смотрели дула пистолетов. Я нырнул вбок, захлопнул дверь и задвинул засов.

– Так, это действительно они, – сказал я. – Но кто докажет, что это не твои штучки?

– Никто, – ответил Рэндом. – Лучше бы это действительно были мои штучки. Крутые парни.

С этим трудно было не согласиться. Парни там, снаружи, действительно были крутые. Мощные, здоровые, шляпы надвинуты на глаза, так что лиц не разглядеть.

– Хотелось бы мне все же знать, во что это мы влипли, – пробормотал Рэндом.

Внезапно у меня в ушах возникло очень неприятное ощущение. Я понял, что Флора подала сигнал своим собакам.

Услышав звон разбитого окна где-то в правой части дома, я совершенно не удивился последовавшему за этим страшному лаю и рычанию.

– Она позвала собак, – пояснил я. – У нее их шесть. Жуткие твари. Между прочим, они и на нас могут напасть – при определенных обстоятельствах.

Рэндом кивнул, и мы оба побежали туда, откуда раздался звон битого стекла.

Когда мы ворвались в гостиную, двое уже влезли внутрь. С пистолетами наготове. Я уложил первого и, падая, успел выстрелить по второму. Рэндом, размахивая саблей, перепрыгнул через меня, и я увидел, как голова второго слетела с плеч.

Заметив, что через подоконник перелезают еще двое, я стрелял по ним, пока не опустела обойма. В ушах звенело от рычания Флориных псов и треска выстрелов.

Трое нападавших уже лежали на полу без движения. Рядом – три собаки. Отлично. Полдела сделано! И когда в окно полезли остальные, я убил следующего мерзавца таким способом, что удивился сам.

Не задумываясь ни на секунду, я схватил огромное тяжелое кресло и швырнул его через всю комнату. Пролетев метров десять, оно попало в одного из этих типов и сломало ему хребет.

Остались двое, но, прежде чем я успел до них добраться, Рэндом уже ранил одного своей саблей и, предоставив собакам довести дело до конца, повернулся к последнему и сбил его с ног.

Тот успел еще застрелить одного из псов, но больше уже не успел ничего: Рэндом его задушил.

В результате схватки две собаки были убиты и еще одна тяжело ранена. Рэндом добил ее ударом сабли, и мы обратили свое внимание на поверженных врагов.

Выглядели они как-то странно.

Тут вошла Флора, которая помогла нам разобраться, в чем дело.

Во-первых, у всех шестерых были страшные, налитые кровью глаза, совершенно красные. Похоже, впрочем, что для них это нормально.

Во-вторых, каждый палец у них был на один сустав длиннее, чем у обычного человека, а на тыльной стороне ладони торчал острый, загибающийся шип, похожий на шпору.

У всех были тяжелые, мощные челюсти, а когда я открыл одному из них рот, то насчитал целых сорок четыре зуба, причем значительно крупнее, чем обычные, человеческие, и, похоже, гораздо острее. Кожа у них была сероватой, толстой и блестящей.

Существовали, несомненно, и другие отличия, но и этих хватило, чтобы подтвердить наши подозрения.

Мы выбрали их оружие, и я стал рассматривать три небольших плоских пистолета.

– Типы, несомненно, из Царства Теней, – сказал Рэндом. Я кивнул. – А мне здорово повезло, – продолжал он. – Они, видно, никак не ожидали, что у меня подоспеет подкрепление – да еще какое! Героический братец и полтонны злющих собак!

Он подошел к разбитому окну и выглянул наружу. Я не стал ему мешать.

– Никого, – сказал Рэндом через некоторое время. – Со всеми разделались.

Он задернул тяжелые оранжевые портьеры, затем пододвинул к окну несколько высоких шкафов. Пока он этим занимался, я осмотрел карманы убитых.

Меня нисколько не удивило, что я не обнаружил в них даже намека на документы.

– Пошли в библиотеку, – сказал Рэндом. – У меня там выпивка осталась.

Прежде чем усесться обратно в кресло, он тщательно вытер саблю и снова повесил ее на стену. Тем временем я налил Флоре.

– Итак, кажется, я пока в безопасности, – заявил Рэндом. – Во всяком случае, мы здесь втроем. Пока.

– Кажется, так, – согласилась Флора.

– Господи, я же со вчерашнего дня не ел! – заявил он.

И Флора пошла сообщить Кармеле, что уже можно выйти и следует принести побольше еды в библиотеку.

Едва за ней закрылась дверь, Рэндом повернулся ко мне и спросил:

– Слушай, а как ты умудрился с ней поладить?

– С Флорой надо быть настороже, вот и все.

– Она все еще на стороне Эрика?

– Насколько я знаю, да.

– В таком случае что ты-то здесь делаешь?

– Я пытался заманить Эрика сюда, чтобы он сам попробовал за мной поохотиться. Он ведь понимает, что это единственный способ до меня добраться. Вот я и хотел узнать, как сильно ему этого хочется.

Рэндом покачал головой:

– Не думаю, что у тебя получится. Шансов почти никаких. Пока ты здесь, а он там, зачем ему совать голову в петлю? У него сейчас более выгодное положение. Так что, если он тебе нужен, тебе придется самому отправиться туда, к нему.

– Я тоже почти пришел к такому заключению.

Его глаза сразу вспыхнули, и на лице появилась прежняя улыбка. Рэндом провел рукой по своим соломенным волосам, не сводя с меня глаз.

– А ты собираешься это предпринять? – спросил он.

– Может быть, – ответил я.

– Да какое «может быть», братец! У тебя это прямо на лбу написано. И знаешь, я почти готов за тобой последовать. На свете больше всего мне нравятся женщины и меньше всего – Эрик.

Я закурил, обдумывая его слова.

– Думаешь? – сказал он. – Не уверен, можно ли доверять этому Рэндому? Он ведь такой трус и подлец, да и имя ему вполне соответствует⁵. При первой же возможности продаст, если ему предложат более выгодную сделку. Так?

Я кивнул.

– Тем не менее, братец Корвин, вспомни-ка: хоть я тебе никогда особенно добра и не делал, но и зла особого тоже не причинял. Ну, всякие там шуточки не в счет. Но в целом, можно сказать, мы с тобой ладили – уж лучше всех остальных в нашей семейке. То есть поперек дороги друг другу не становились. Вот о чем подумай. По-моему, кто-то уже идет, Флора или ее горничная, так что давай сменим тему. Погоди! Вряд ли у тебя с собой колода наших любимых семейных карт, а?

Я покачал головой.

Вошла Флора и провозгласила:

– Кармела сейчас принесет ужин.

Мы выпили за это, и Рэндом подмигнул мне у Флоры за спиной.

На следующее утро тела из гостиной исчезли; пятен крови на ковре как не бывало; стекло в окне целехонько. Рэндом объяснил, что «обо всем позаботился», и я посчитал за лучшее не расспрашивать его о подробностях.

Мы одолжили у Флоры ее «Мерседес» и поехали прокатиться. Окрестности, как мне показалось, странным образом изменились. Я, правда, не смог бы с уверенностью сказать, что именно исчезло или появилось нового, но, так или иначе, все выглядело иным. Однако от попытки логически это обосновать у меня снова разболелась голова, и я решил оставить решение сей сложной задачи до лучших времен.

Я вел машину, а Рэндом сидел рядом. И вскользь я заметил, что было бы здорово вновь оказаться в Амбере, – хотелось посмотреть, как он отреагирует.

– Никак не пойму, – откликнулся Рэндом, – то ли ты явился сюда только ради мести, то ли ради чего-то поважнее. – Словно бросил мяч мне обратно – лови! – заставляя ответить меня самого.

Я и ответил. Использовал давно прибереженную фразу:

– Ты знаешь, я и сам все раздумываю – каковы мои шансы. По-моему, все-таки стоит попробовать.

⁵ Рэндом (англ. random) – случайный, беспорядочный, шальной.

Рэндом резко повернулся ко мне – до того он был полностью поглощен видом за окном – и с жаром проговорил:

– А по-моему, нам всем просто не дают покоя собственные амбиции, надежда на возможную победу... мне уж, во всяком случае, точно! Хотя сам я, пожалуй, слишком рано вышел из игры. Но я... мне кажется, попытаться все же стоит. Ты ведь хочешь узнать – я правильно тебя понял? – стану ли я помогать тебе? Да, стану. Причем исключительно назло остальным. – Он помолчал и прибавил: – А как ты считаешь, Флора сможет чем-нибудь поспособствовать нам?

– Весьма сомнительно, – сказал я. – Она бы, может, и перешла на нашу сторону, если бы знала наверняка. Но что можно сказать наверняка в теперешней ситуации?

– А в какой можно? – прибавил Рэндом.

– Да, ты прав, – согласился я. Пусть думает, что ответ его меня устраивает.

Я опасался слишком доверяться ему, прежде всего говорить о состоянии своей памяти. И еще не до конца поверил ему вообще. Но мне столько необходимо было узнать, а обратиться было совершенно не к кому. Я некоторое время обдумывал сложившуюся ситуацию.

– Ну хорошо, а когда, по-твоему, лучше начать? – спросил я.

– Когда ты будешь готов.

Ну вот, теперь все уперлось в меня, а я понятия не имел, что предпринять.

– Так, может, прямо сейчас начнем?

Рэндом промолчал. Закурил – по-моему, чтобы выиграть время.

Я тоже закурил.

– Ладно, – произнес он наконец. – Ты когда в последний раз был там?

– Ужасно давно! – сообщил я. – Так давно, что не уверен, что смогу найти дорогу.

– Понятно, – сказал он. – В таком случае сначала нужно уехать подальше – чтобы возврата не было. Сколько у нас бензина?

– Три четверти бака.

– Тогда на следующем перекрестке сверни налево. А там посмотрим!

Я свернул налево, и тротуары по обе стороны шоссе начали странно посверкивать.

– Проклятие! – воскликнул Рэндом. – В последний раз я был здесь лет двадцать назад, по крайней мере. Что-то больно хорошо я все помню!

Мы ехали и ехали, и я не успевал поражаться тому, что, черт побери, творилось вокруг. Небеса постепенно приобрели зеленоватый оттенок, потом внезапно порозовели.

Я прикусил язык: страшно хотелось снова начать расспрашивать Рэндома.

Мы проехали под мостом, а когда вынырнули с другой его стороны, небо вновь приобрело свой нормальный оттенок, зато, куда ни глянь, повсюду торчали желтые ветряные мельницы.

– Не обращай внимания, – быстро сказал мне Рэндом, – могло быть куда хуже.

Я заметил, что встречные одеты, мягко говоря, странновато, а дорога вымощена булыжником.

– Сверни направо.

Я повернул руль.

Багряные облака окутали солнце, потом пошел дождь. Сверкнула молния, разрезав небо пополам. Прямо у нас над головой прогремел гром. Дворники на ветровом стекле работали как бешеные и все равно не справлялись. Я включил дальний свет и еще сбавил скорость. И тут – клянусь! – навстречу нам попался рыцарь в сером плаще с низко надвинутым капюшоном, защищающим лицо от дождя.

Наконец ветер несколько разогнал тучи. Мы выехали на берег моря. О прибрежные скалы бились тяжелые валы, над волнами носились невероятно крупные чайки. Дождь прекратился, я выключил фары и остановил дворники. Теперь мы ехали по грейдеру, но местности я не узнавал вовсе. В зеркале заднего вида не было и намека на город, за пределы которого мы

только что выехали. Пальцы мои судорожно стиснули руль: за окном проплыла виселица, ветер раскачивал ужасный скелет повешенного.

Рэндом продолжал себе курить и смотреть в окошко. Дорога повернула прочь от моря: теперь она серпантинном поднималась по склону холма. Справа расстиралось широкое, лишенное деревьев поле, а слева громоздилась какая-то горная гряда. Теперь небо над нами было великолепного глубокого синего цвета – словно бездонное озеро с ключевой водой, скрывающееся в густой тени берегов. Не помню, приходилось ли мне когда-либо раньше видеть небеса такого цвета.

Рэндом приоткрыл окошко, чтобы выбросить окурок, и в машину со свистом ворвался ледяной ветерок, так что окно пришлось снова закрыть. Ветерок принес запахи моря, солоноватые и пряные.

– Все пути ведут в Амбер, – сказал Рэндом тоном, не допускающим возражений. Это явно была некая аксиома.

И тут я вспомнил, о чем позавчера говорила мне Флора. Только сейчас до меня дошло, на что именно она намекала. Но я промолчал: очень не хотелось демонстрировать собственную тупость, однако и важную информацию хранить при себе не стоило, тем более что она явно была важна не только для меня, но и для Рэндома.

– Знаешь, – начал я, – когда ты звонил в первый раз – я тогда еще снял трубку, потому что Флоры не было дома, – я был почти уверен, что она как раз предприняла попытку пробраться в Амбер, но ей это не удалось, потому что путь оказался закрыт.

Он рассмеялся:

– У бедняжки слишком убогое воображение. Разумеется, в такое время путь закрыт! И нам, несомненно, еще придется пробираться пешком. А для того чтобы пройти этот путь, придется не жалеть ни сил, ни изобретательности – если мы вообще сможем его пройти до конца. Неужели Флора считала, что сможет вернуться в Амбер как законная наследница престола? Ступая по брошенным под ноги розам? Дура она все-таки. Ей и жить-то, если уж честно, незачем. Впрочем, это не мне решать... Поверни-ка, пожалуйста, на этом перекрестке направо, – сказал он вдруг.

Что же все-таки происходит? Я понимал, что все это – благодаря Рэндому, но не мог определить, как и когда он умудряется осуществить эти перемены и какова его конечная цель. Я знал также, что мне необходимо самому разгадать его тайну, иначе он сразу поймет, что я просто блефую. И тогда уж я полностью окажусь в его власти. Он вроде бы ровным счетом ничего не делал, только курил да смотрел в окошко, однако, вынырнув из очередного распадка, мы вдруг попали в совершенно голубую пустыню, а солнце над головой почему-то приобрело розовый оттенок. В зеркале заднего вида тоже была бескрайняя, до самого горизонта пустыня. Голубая. Ничего себе штучки.

И тут мотор закашлял, зачихал и заглох совсем.

Руль прямо у меня в руках начал менять свою форму. Он превратился в изящный полумесяц, а сиденье совсем отклонилось назад. Сама же машина как бы осела и теперь почти лежала на земле. Дворники на лобовом стекле застыли под совершенно загадочным углом.

Я, впрочем, продолжал держать язык за зубами. Даже когда на нас налетел сиреневый смерч.

Но когда смерч пронесся мимо, я просто задохнулся от изумления.

Прямо перед нами была чертова пропасть машин, вплотную стоящих друг за другом. Череда их уходила вдаль как минимум на километр. Машины, застрявшие в гигантской пробке, сигналили на разные голоса. Ни одна не двигалась.

– Сбавь скорость, – велел Рэндом. – Это предупреждение номер один.

Я притормозил, и тут на нас налетел новый смерч.

Я не успел даже включить фары: смерч сразу умчался дальше. Я протер глаза.

Машин как не бывало. Вокруг стояла тишина. Зато дорога теперь сверкала и переливалась, как тротуары тогда в городе, в самом начале пути; я услышал, как Рэндом бормочет под нос проклятия в чей-то адрес.

– Ну конечно! Мы попали именно на ту дорогу, куда он и хотел! Кто бы там ни устроил эту пробку! Черт меня побери – я все понимаю, но как дурак делаю именно то, чего он и ожидает. Главное...

– Эрик? – спросил я на всякий случай.

– Видимо, да. Как ты думаешь, что теперь? Подождать, а потом попробовать другую дорогу, потрудней? Или ехать дальше, до новых препятствий?

– Давай еще немного проедем. В конце концов, мы ведь пока только раз засели.

– Ладно, – сказал Рэндом и прибавил: – Кто его знает, что будет во второй...

Во второй раз было действительно нечто... не знаю уж, как и назвать... Нечто, похожее на гигантскую плавильню с руками. Оно сидело посреди дороги и своими ручищами загребало машины, пожирая их.

Я вдавил в пол педаль тормоза.

– В чем дело? – обернулся ко мне Рэндом. – Не обращай внимания и поезжай дальше. Иначе ведь все равно не проедешь.

– Признаться, немного растерялся, – сказал я. Он как-то странно, искоса посмотрел на меня, и тут налетел очередной смерч.

Зря, конечно, я это сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.